

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА ИСХОД «ЗАМОРОЖЕННЫХ» СЕЦЕССИОНИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАН, ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЮЖНОГО КАВКАЗА)

В. Н. РЯБЦЕВ

*Южный федеральный
университет*

*e-mail:
v_ryabtsev@mail.ru*

Объектом исследования автора являются сецессионистские конфликты, столь актуальные для этнически гетерогенных государств современного мира. При этом акцент делается на исходах такого рода конфликтов. Предметом особого внимания является процесс их «замораживания», главный результат которого – возникновение квазигосударств. Автором дается картография той мини-системы международных отношений, которая обычно складывается вокруг каждого из замороженных сецессионистских конфликтов. Подробно анализируются возможные варианты их урегулирования.

Ключевые слова: гетерогенные (полиэтничные) государства, этнополитические конфликты, сецессия, замороженные конфликты, международные факторы, исход замороженных сецессионистских конфликтов.

Практика показывает, что в последние годы конфликты, связанные с сепаратизмом отдельных территорий, этногрупп, «малых» наций и – главное – их стремлением выйти из состава крупных государств, которые они не считают «своими», охватывают все большее число стран и регионов мира. Особенно этим отличаются «много-составные» (по терминологии А. Лейпхарта) государства. В этих государствах с гетерогенным составом населения как бы имманентно *заложена возможность* конфликтов, приобретающих большой резонанс, а иногда и международное звучание¹. Для них порой характерны острые противоборства, связанные со стремлением определенных политических сил добиться от Центра уступок в диапазоне: от желания произвести некоторый «сдвиг прерогатив внутри государства» (таково, как правило, требование автономистов) до «полного разрыва прежних политических обязательств и перехода конкретной территории под власть нового государства» (таково, по сути, требование сепаратистских сил, ведущих дело именно к сецессии)².

Говоря о внутригосударственных взаимодействиях такого рода, можно использовать также понятие «этнополитические конфликты сецессионного типа». Их предметным основанием является *вопрос о статусе проблемного региона* в «Большом» государстве, причем для оппонирующих центральной власти сепаратистских сил этот статус выступает в качестве основного условия воспроизводства людьми своей общественной жизни: как в смысле удовлетворения ими базовых потребностей, так и сохранения своей идентичности (региональной, этнической или национальной). Последний момент особенно важен, поскольку он во многом объясняет, почему так драматично протекают этнополитические конфликты сецессионного типа и почему так трудно бывает их урегулировать.

Учитывая тот факт, что любой из таких конфликтов рано или поздно становится фактором, дестабилизирующим систему международных отношений или ее отдельные подсистемы, международное сообщество не может безучастно смотреть на это. Видя неспособность иных государств противостоять дезинтеграционным, центробежным тенденциям, которые порой буквально «взламывают» давно устоявшиеся и,

¹ См.: Тишков В. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. Пер. с англ. / Ред. В.А. Тишков, М. Устинова. М., 2007. С. 12.

² См.: Макаренко В.П. Теория сецессии: послышки, аргументы и следствия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2006. №2. С. 20, 24.

казалось бы, прочные границы, оно пытается если и не преодолеть нарастающий «рак хаотизации», то хотя бы смягчить остроту противоречий между международной стабильностью и нарастающей фрагментацией современного мира³. Это делает актуальной задачей рассмотрение международных аспектов сецессионистских конфликтов в гетерогенных государствах современного мира, в рамках которой особую остроту приобрел вопрос о конфликтах, превратившихся в длительные, затяжные противостояния. С тех пор, как в ОБСЕ утвердилась традиция применять к ним термин «замороженные», несмотря на свою некоторую описательность, он прочно вошел в научный оборот и был принят на вооружение специалистами. Поэтому в современных условиях исследователи и эксперты используют такой термин: «замороженные этнополитические конфликты сецессионного типа», или (более кратко) «замороженные сецессионистские конфликты» (ЗСК).

Что они собой представляют, какую роль при этом играют международные факторы и как они влияют на исход такого рода конфликтов? Вот круг тех вопросов, которые находятся в поле исследовательского интереса автора.

В принципе, эти вопросы можно подразделить на две группы: а) что представляют собой те международные факторы, которые позволяют *разблокировать* ЗСК, т.е. так или иначе урегулировать их, и б) каковы те факторы, которые, наоборот, *блокируют* процесс урегулирования ЗСК и не позволяют выйти на какой-то *определенный* вариант его исхода. Поскольку в рамках одной статьи раскрыть обе группы вопросов не представляется возможным, ограничимся рассмотрением только первого – наиболее важного – момента. Остается только добавить, что эмпирическим материалом для теоретических обобщений автору послужили проводимые им в течение ряда лет исследования ЗСК на Балканах, в Причерноморье и на Южном Кавказе. Дело, однако, не ограничивается только этими мировыми регионами. Аргументируя свою позицию, мы прибегаем также к анализу других прецедентов ЗСК, на иных региональных «площадках».

Понятно, что любой конфликт рано или поздно, по тем ли иным причинам завершается. Но как быть в случае с сецессионистскими конфликтами (СК), которые относятся к числу «абсолютных», или полностью неинституционализированных (по Л. Козеру), противостояний? Ведь здесь противостоящие друг другу силы демонстрирует отсутствие того, что в конфликтологии называется «общими институциональными экранами и измерительными процедурами», в силу чего конкретные субъекты, представляющие Центр и сепаратистки ориентированную территорию/группу, руководствуются исключительно собственными целями. Что уж говорить о тех СК, которые прошли стадию вооруженной борьбы и оказались в итоге затяжными противостояниями?

Как отмечают специалисты: «Акции, направленные на выход территории из-под власти центрального государства, могут порождать сецессионистские конфликты, но при этом они не обязательно приводят к сецессии»⁴. И в этом плане самым оптимальным и безболезненным выходом из сложившейся ситуации для конфликтующих сторон является своевременный «развод» по обоюдному согласию. В этих случаях конфликт, по сути, прекращается, и происходит это на сравнительно ранней стадии, т.е. задолго до того, когда возникает вооруженное противостояние. Причем конфликт прекращается благодаря усилиям *самих конфликтующих сторон*, без каких-либо посредников извне. Но в случае с «абсолютными» конфликтами это является довольно таки редким делом⁵. Поэтому приходится рассматривать иные альтернативы.

³ См.: Rotfeld A.D. The Global Security System in Transition // Космополис: Альманах 1999. М., 1999.

⁴ Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Кошпитерс, М. Эмерсон, М. Хейссен. Пер. с англ. М., 2005. С. 12.

⁵ Исключение из правил здесь составляют, пожалуй, два случая: «бархатный», практически идеальный развод Чехии и Словакии в 1992 г. и межгосударственное размежевание Сербии и Черногории в 2006 г., когда во исполнение Конституционного акта двухсоставной федерации ее малая часть – Черногория, проведя референдум о независимости, вышла из состава единого государства, носившего название «Сербия и Черногория».

Несколько упрощая, мы можем утверждать: основных вариантов развязки вооруженного противостояния по оси Центр – периферия всего три: *два из них – качественно определенные исходы* (они как бы образуют два диаметрально противоположных полюса) и *один – это неопределенный исход*, располагающийся между ними.

Первый вариант качественно определенного исхода СК предполагает победу центрального правительства над вооруженной организацией сепаратистов, т.е. возврат проблемного региона под юрисдикцию «Большого» государства (бывшей «метрополии»). Здесь, в свою очередь, возможно несколько подвариантов: а) жесткое наказание восставшей периферии, своего рода силовое инкорпорирование ее в состав данного государства с возможным изменением территориальной нарезки страны по «нигерийскому сценарию» (как это было, например, в конце 60-х гг. XX в. с Биафрой); б) предоставление региону/этносу/«малой» нации на периферии особого статуса в государстве, что предполагает наличие большого набора прав и полномочий у местной власти (это неизбежно ведет к возникновению известной асимметрии в устройстве данного государства); в) изменение формы государственного устройства в масштабе всей страны (эфиопский и/или суданский вариант).

Второй вариант качественно определенного исхода СК предполагает победу вооруженной организации сепаратистов над центральным правительством в ходе длительной борьбы и провозглашение ими своего (читай: этнически своего) независимого государства. Типичными образчиками такого рода исхода является провозглашение в качестве независимых государств таких малых держав, как Эритрея на Африканском Роге и Восточный Тимор (Тимор-Лесте) в Юго-Восточной Азии.

Качественно неопределенным же исходом можно считать возникновение такой своеобразной ситуации, как «замораживание» СК. Имеется в виду ситуация, когда действительное разрешение конфликта откладывается на неопределенный срок, а на месте «горячего» региона явочным путем возникает некое квазигосударственное образование. *Квазигосударственным* данное образование является потому, что, обладая амбициями субъекта международного права, оно таковым, по существу, не является, поскольку не признается остальными членами «сообщества наций». *Квазигосударственным* же оно является потому, что имеет явные признаки, а то и элементы национального суверенитета и сообразно этому позиционирует себя в окружающем международном пространстве.

Справедливости ради, тем не менее, уточним: в современных условиях квазигосударства могут существовать в трех видах. Во-первых, это может быть территориальное образование, существующее вполне самостоятельно, без чьей-то бы то ни было поддержки извне; может быть достаточно прочным, нормально функционирующим политическим «организмом», а значит – отвечать всем критериям государственности согласно Конвенции Монтевидео 1933 г.⁶ за исключением одного – внешнего суверенитета, т.е. способности властных структур вступать в равноправные отношения с другими государствами⁷. Во-вторых, это может быть образование, не способное существовать самостоятельно и потому нуждающееся в помощи «внешнего управляющего» (в данном случае можно говорить о таком варианте урегулирования, как установление на территории квазигосударства протектората со стороны великой державы или блоковой структуры по косовской схеме). В-третьих, это может быть образование, которое, находясь в составе прежнего («Большого») государства, уже имело некоторую автономию, и которое, воспользовавшись присутствием на своей территории внерегионального актора, ведущего военные действия против центрального правительства, де-факто установило на подконтрольной территории независимое правление (наиболее типичным здесь является положение дел на севере Ирака в «Свободном Курдистане»).

⁶ См. об этом: Дадаян Д.С. О критериях легализации новых государств // Международное право и реалии современного мира. Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь, 2006. С. 100 и др. См. также: Кокорев Р.С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. №12. С. 77-78.

⁷ См.: Никитина Ю.А. Урегулирование «замороженных» региональных кризисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifpc.ru/index.php?cet=216>

Особая сложность варианта «замораживания» СК состоит в том, что налицо такое *состояние поствооруженного взаимодействия* сторон, когда, с одной стороны, вроде бы отсутствует дальнейшая эскалация вооруженного насилия (хотя это вовсе не исключает его рецидивов), а другой стороны, нет действительного разрешения конфликта, т.к. не устраняются причины, некогда его породившие. Наоборот, они загоняются вовнутрь, перемещаются в пласты «глубокого залегания». Иначе говоря, после сравнительно быстрого прекращения активных боевых действий *эти конфликты*, будучи сложными системами с многофакторной комбинаторикой, *перешли* в устойчивое *состояние гомеостаза*. И пребывать в этом состоянии они могут неопределенно долгий период времени⁸. По крайней мере, до тех пор, пока в ход этих конфликтов не произойдет радикального вмешательства извне.

Независимо от того, где именно происходит конкретное действие – на Балканах, в Причерноморье или на Южном Кавказе, ситуация ЗСК выглядит таким образом, что разногласия между конфликтующими сторонами, концентрирующиеся вокруг проблемы государственного-правового статуса непризнанных территорий, становятся практически непреодолимыми. Одновременно с этим вопрос об их дальнейшей «судьбе» становится главным «камнем преткновения» и для всех возможных агентов в деле разрешения затянувшегося конфликта, включая международные организации высокого уровня⁹. Последний момент чрезвычайно важен. Дело в том, что за долгие годы существования ЗСК вокруг каждого из них сформировались своеобразные «комплексы» политических отношений: частично внутригосударственных, частично международных. Причем, учитывая тот факт, что, как правило, эти отношения складывались весьма драматично, надо понимать, что со временем они приобрели характер настоящих *узлов противоречий*. Одним словом, здесь сформировалась *специфическая политическая среда со значительным международным компонентом*, в которую органически вписан каждый из ЗСК.

Вот как это выглядит на практике. Если взять, например, «застарелый» молдо-приднестровский конфликт, то его нынешняя картография выглядит следующим образом. Его непосредственными участниками являются суверенное государство Республика Молдова и такое квазигосударственное образование, как Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). В зоне этого конфликта действует коллективный посредник. Его образуют два государства – Россия и Украина и одна международная организация рамочного типа – ОБСЕ. Функцию наблюдателей за состоянием переговорного процесса выполняют Евросоюз и США. Заинтересованную сторону внутри Молдовы представляет прорумынски настроенная оппозиция, критикующая непоследовательность официального Кишинева (так называемые юнионисты). Заинтересованной стороной является Румыния. Таковыми являются также Украина (как непосредственный сосед) и Россия (она, в большей мере, по культурно-историческим причинам, но также в силу остаточного военного присутствия)¹⁰. В такой же ипостаси фактически выступает и ЕС, который с 2005 г. возложил на себя функцию мониторинга молдавско-украинской границы. Из внерегиональных держав в качестве заинтересованной стороны, безусловно, следует выделить США, которые в последнее время резко активизировались в Черноморском бассейне. Весьма заинтересованы в том или ином (естественно, выгодном для себя) варианте развития событий НАТО и ОДКБ. Наконец, пристально следит за ситуацией вокруг Приднестровья Совет Европы.

На этом примере хорошо видно, что количество вовлеченных в процесс игроков довольно-таки велико, хотя это, вообще говоря, типичная ситуация в ситуациях ЗСК. И конкретный вариант разблокирования тупиковой ситуации, которую, по опреде-

⁸ См.: Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002. С. 10.

⁹ См.: Григорьева Ю.Г. Проблемы внутрикавказского урегулирования и непризнанных республик на Кавказе // Аналитические записки. Вып. 9: Кавказ: реалии против соблазнов. М., 2005. С. 13.

¹⁰ Напомним, что в зоне молдо-приднестровского конфликта действует Оперативная группа российских войск, являющаяся «остатком» бывшей 14-й армии.

лению, являет собой любой ЗСК, *будет определять баланс сил всех вовлеченных в процесс акторов, их соответствующие возможности и ресурсы*. Поэтому среди тех вариантов, которые в итоге предлагаются к реализации, могут оказаться вовсе не те, что формулировались посредниками. Решающим фактором может оказаться втянутость в процесс заинтересованных сторон. Или (как вариант) будет иметь место компромисс между несколькими заинтересованными сторонами при формальном привлечении к процессу посредников. Об этом, скажем, убедительно свидетельствует опыт урегулирования СК на Балканах.

Сошлемся в этой связи на мнение авторитетного специалиста – Д. Хоровица. Вот его ключевой тезис: «Появятся ли и когда появятся сецессионистские движения, определяется в основном внутренней политикой, отношениями регионов и групп с государством. А вот *достигнет ли сецессионистское движение своей цели, во многом определяется международной политикой, балансом интересов и сил, находящихся за пределами государства*»¹¹. Но мысль Д. Хоровица можно продолжить и сказать так: если сецессионистские движения не достигают своих целей или иницилируемые ими в государстве конфликты «замораживаются», то это во многом обусловлено теми же факторами. Иначе говоря, все будет зависеть от того, как сложатся отношения в данный момент времени между всеми вовлеченными в конкретный конфликт сторонами и какими будут эти отношения. Поэтому из самых разных вариантов «размораживания» конфликта в итоге может реализоваться самый невероятный. Но невероятный только на первый взгляд. При более же внимательном рассмотрении он как раз может оказаться *наиболее вероятным* вариантом дальнейшего развития событий, поскольку именно он может устроить заинтересованные стороны.

Пытаясь выстроить в этом плане более или менее цельную картину, мы, помимо кавказского и балканского опыта, хотели бы учесть также ценнейший опыт распутывания «узлов», связанных с сецессионистскими конфликтами, и в других регионах мира (в частности, на Африканском Роге и Юго-Восточной Азии). Одновременно с этим мы старались учесть также и те варианты, которые обсуждаются исследователями и экспертами как *возможные* модели урегулирования непростых взаимоотношений между регионом, который посмел бросить вызов центральной власти, и самим Центром как олицетворением бывшей «метрополии».

Прежде чем предложить свою концептуальную схему, оговоримся: поскольку ЗСК – это конфликты с нулевой отметкой, целесообразно рассмотреть все эти варианты с использованием схемы «выиграть/проиграть». Исходя из этого, в качестве крайних полюсов мы должны взять те из вариантов, которые выгодны только (и исключительно) одной из конфликтующих сторон. Назовем их условно полюсом «А» и полюсом «Б». Стало быть, речь должна идти, с одной стороны, об одержавшем победу в противостоянии с сепаратистами Центре (бывшей «метрополией») и, с другой стороны, проблемном регионе, в котором победу одержали сепаратисты. Между ними располагается промежуточный вариант, которым является возникновение квазигосударства, или «фактического» (как его еще называют) государства. Назовем его условно «точкой середины». Все же остальные варианты расположатся между этими тремя позициями.

Итак, о каких же *в принципе* вариантах разблокирования ЗСК может идти речь? Если идти от «точки середины» к полюсу «А», что предполагает восстановление Центром своего контроля над проблемным регионом, то по степени максимизации этой победы могут быть выделены следующие варианты:

– создание *слабо интегрированного государства конфедеративного типа* с равной субъектностью и проблемного региона, и самой «метрополии», которые в таком случае становятся равноправными членами нового государственного образования. Это классическая модель так называемого общего государства, на которую не очень охотно идут «метрополии», что в новейшей истории убедительно показала ситуация, сложившаяся вокруг упомянутого нами молдо-приднестровского конфликта,

¹¹ Horowitz D. L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley (Cal.), 1985. P. 230.

и не только одна она. При этом части, образующие данное государство, как правило, обладают гораздо более широкими полномочиями, чем центральные органы власти, и склонны следовать конфедеративной логике в процедуре принятия важнейших политических решений;

– создание *сложной, во многом искусственной* и сопровождающейся территориальными размежеваниями этнических/этноконфессиональных сегментов *конструкции в виде «общего» государства конфедеративно-федеративного типа*. При такой модели ряд субъектов, образующих данное государство, находится в федеративных отношениях, а другие вступают с ними (взятыми как единое целое) в конфедеративные отношения. Причем во главе этого «общего» государства, при наличии местных государственных органов, находится некий «Высокий представитель», или Протектор, уполномоченный на то международным сообществом. В качестве такового могут выступать обладающие неограниченными полномочиями международные наблюдатели с приданной им жесткой структурой по поддержанию мира (такая ситуация имеет место, например, в Боснии и Герцеговине, где для официального Сараево в качестве проблемного региона все равно остается Республика Сербская, которую некогда насильно оторвали от исторической родины и насильно заставили войти в состав «чужого», во многом условного, государства – БиГ);

– создание *единого государства по мягкой федеративной модели*, оказывающееся возможным в условиях одновременного втягивания и бывшей «метрополии», и проблемного региона в европейские структуры, т.е. их всесторонней европеизации на путях проведения политики кондициональности¹². По сути, речь идет о модели децентрализованного государства с многоуровневой системой управления, причем часть его функций передается на наднациональный уровень (скажем, в Евросоюз), а часть – переходит вниз – на уровень самого региона, который, в свою очередь, получает возможность быть представленным в наднациональных институтах (до провозглашения «поднадзорной» независимости Республики Косово этот вариант усиленно предлагался Западом для Сербии и ее мятежной провинции);

– создание *асимметричной федерации*, где на фоне остальных субъектов, обладающих обычными (для данной федерации) правами, проблемный регион при всем верховенстве Центра обладал бы более широкими возможностями в плане отправления функций власти и управления;

– *сохранение проблемного региона в составе бывшей «метрополии»*, но извлечение при этом Центром важного урока в виде необходимости *изменения формы государственного устройства в масштабе всей страны*. Это предполагает проведение кардинальной реформы всей пространственной организации государства, т.е. его тотальную децентрализацию, включая государствообразующее «ядро», а не только периферийные территории (наиболее характерным здесь является прецедент современного Судана; эфиопский пример тоже интересен, но здесь «урок» был извлечен уже после потери Аддис-Абебой своей приморской провинции – Эритреи);

– *инкорпорирование проблемного региона в лоно бывшей «метрополии»* силовым путем на условиях Центра, *которое в порядке вынужденной уступки сепаратистам может сопровождаться предоставлением этому региону особого статуса или льгот* в рамках прежней формы государственного устройства (в известной мере примером такого рода варианта может служить решение чеченской проблемы в РФ, где Центр, с одной стороны, восстановил властную вертикаль, вернув в лоно федерации некогда «мятежную» провинцию и обеспечив ей при этом равный со всеми статус, а с другой стороны, он предоставил ей эксклюзивные права в виде целого ряда налоговых и иных льгот).

Если идти от «точки середины» и полюсу «Б», то по степени продвижения проблемного региона к достижению полной независимости и превращению его в полноценное государство могут быть выделены такие варианты, как:

¹² См. об этом: Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Кошпитерс, М. Эмерсон, М. Хейссен. Пер. с англ. М., 2005. С. 33-36.

– *медленный (условно говоря, «ползучий») вариант фактического признания независимости* проблемного региона от бывшей «метрополии», предусматривающий троякий режим: 1) реальное признание конкретного квазигосударства полноценным субъектом международных отношений рядом государств (как, например, в случае с Тайванем или после февраля 2008 г. – с Косово); 2) возможность для этого квазигосударства, не будучи представленным в ООН, входить в некоторые международные организации или иметь с ними тесные и длительные отношения, а также возможность открывать свои дипломатические, торговые и иные представительства за рубежом (здесь характерным примером является длительное существование Турецкой Республики Северного Кипра); 3) возможность быть услышанным международным сообществом благодаря «гиперактивности» своей диаспоры, ее лоббистам в ведущих государствах мира (здесь следует, безусловно, упомянуть обширную и весьма активную армянскую диаспору, благодаря которой многими государствами де-факто признана Нагорно-Карабахская Республика, или НКР);

– *установление ограниченной государственности в виде особого международно-правового статуса* региона («свободного государства» по типу «Свободной территории Триест» или «Вольного города Данциг»), что предполагает полное самоуправление региона в делах внутренних и элементы суверенитета в делах международных. В отличие от подопечной территории, за «свободным государством» (или «свободной территорией») признается международно-правовая дееспособность, но целостность ее обеспечивается СБ ООН. Функцию же обеспечения безопасности населения и защиты данного «государства»/«территории» берет на себя особый международный орган или государства-гаранты, что в ситуациях длительного существования квазигосударств может стать единственно реальным вариантом разблокирования ЗСК¹³;

– *достижение независимости проблемного региона в усеченном виде путем его территориального раздела*. При этом возможны два основных сценария: во-первых, *принудительный раздел* внешними силами региона, который произвел сецессию, на две неравные части: большую – которая стремится максимально быстро уйти в независимое «плавание», и меньшую – где могут находиться весьма значимые «места памяти», святыни того народа, который был титульной нацией в прежнем («Большом») государстве и часть которого поневоле оказывается в положении этнического меньшинства на территории, контролируемой победившими сепаратистами (здесь наиболее типичной является сегодняшняя картина в Республике Косово, где сербское население не желает выходить из-под юрисдикции официального Белграда и де-факто вынуждает мировое сообщество заняться размежеванием в историческом крае Косово и Метохия); во-вторых, *добровольная сделка* конфликтующих сторон, суть которой может состоять в «обмене» независимости региона, произведшего сецессию, на часть его территории, где (как и в первом случае) проживает население, которое этнически родственно или даже идентично населению бывшей «метрополии» и которое хочет остаться в составе последней¹⁴. Любой из этих вариантов неизбежно влечет за собой усиление этнической гомогенности как обретающего суверенитет региона, так и приобретающей часть его территории «метрополии», возникновение соответствующих (разнонаправленных и разных по силе) потоков населения, также актуализацию весьма непростой проблемы компенсаций беженцам и перемещенным лицам;

¹³ Интересно, что для такого квазигосударственного образования, как НКР, нечто подобное предлагалось сделать еще в тот момент времени, когда активная фаза имевшего там место СК только-только завершалась. И предлагал это известный отечественный правовед-международник Ю.Г. Барсегов (см.: Барсегов Ю.Г. Триестская модель для Карабаха // Новое время. 1994. №33).

¹⁴ В свое время такой вариант не исключался для Абхазии. По этой логике, населенный преимущественно метрелами приграничный Гальский район, а также Кодорское ущелье, именуемое еще «Абхазской Сванетией», входили бы в состав Грузии в обмен на провозглашение независимости абхазского государства в целом. Нечто подобное обсуждалось и применительно к Нагорному Карабаху: в зоне, контролируемой властями НКР, предлагалось провести такую специфическую процедуру, как пессия (см. об этом: Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 187).

– *достижение независимости проблемного региона в результате благоприятного стечения обстоятельств.* Это может произойти в двух случаях: во-первых, по причине исчезновения одной из сторон СК – скажем, бывшей «метрополии», которая может войти в состав соседнего – более крупного в территориальном отношении и родственного в культурном плане – государства, исторической частью которого она некогда являлась (см., например, старый план Бжезинского, согласно которому, рано или поздно должно произойти поглощение Молдовы Румынией, чем открывался бы доступ к «свободному плаванию» ПМР); во-вторых, в случае, когда находящееся в затажном кризисе «Большое» государство как бы «проваливается», что может иметь место в ситуации тотальной и затяжной гражданской войны (как, например, в Сомали). В этом случае у квазигосударства также не остается иной альтернативы, кроме как стать самостоятельным субъектом международных отношений, что и произошло на Африканском Роге, где возникло де-факто независимое государство – Сомалиленд (в известной мере это касается и такого политического образования, как Пунтленд);

– наконец, *достижение* проблемным регионом, произведшим сецессию, *полной независимости в пределах всей его территории*, с одновременным признанием его фактической суверенности со стороны международного сообщества. Это как бы идеальный вариант развития событий, о котором мечтают сепаратисты в любой стране мира.

Здесь возможны подварианты. При одном из них новое государство может вступить в ассоциированные отношения с бывшей «метрополией». Это может произойти в том случае, если последняя признает независимость своей бывшей «провинции», и тогда новое государство начнет тесно координировать с бывшей «метрополией» свои действия во внешней и оборонной политике и даже может вступить с ней в валютный и таможенный союз¹⁵. При другом – оно может вступить в такие же отношения с соседним крупным государством, которое в течение всего периода конфликта выступало в качестве своеобразного патрона по отношению к сецессионистски настроенному региону. Это вполне вероятно в случае, если население региона имеет историко-культурную близость с государством-соседом или очень сильно завязано на него в хозяйственно-экономическом смысле (данный сценарий озвучивался применительно к взаимоотношениям России и Абхазии и приобрел дополнительные «аргументы» после югоосетинского кризиса в августе 2008 г.).

Таким образом, спектр возможных «траекторий» разблокирования ситуаций, сложившихся в зонах ЗСК, весьма широк, хотя все они, так или иначе, кристаллизуются вокруг двух *качественно определенных* исходов. При этом независимо от того, кто конкретно одержал победу в СК – Центр, сохранивший контроль над государством, подвергшемся сецессии, или сепаратистски настроенный регион, дальнейшее развитие событий может происходить по четырем основным сценариям:

– сценарий № 1: *постконфликтная ситуация трансформируется в устойчивый мир*, т.е. будет преодолеваться институциональное и структурное насилие, имевшее место ранее (гарантиями здесь могут стать сильные гражданские институты, верховенство закона, независимая судебная власть, представительное правительство и эффективное участие народа в общественной жизни);

– сценарий № 2: *может иметь место рецидив старого конфликта на территории государства*, где победил Центр (причинами этого может отсутствие понастоящему новой системы взаимоотношений бывших участников СК, ошибки или провалы в миростроительной работе третьей стороны, серьезные ошибки Центра в области региональной и/или этнонациональной политики);

– сценарий № 3: *на территории, где победу одержали сепаратисты, может появиться новый СК* (основной причиной такового, как правило, является «этниче-

¹⁵ См. об этом, например: Голик Ю.В. Свободно ассоциированное государство в современном мире // Национальные интересы. 2007. № 1(48).

ская тирания» со стороны победившего этнического меньшинства, ставшего в одночасье большинством в новом государстве и совершающего акты репрессий или чисток в отношении уже других этноменьшинств);

– наконец, сценарий № 4: *между проигравшей «метрополией» и вновь возникшим государством возникает межгосударственный конфликт* (обычно главными поводами к нему являются линия прохождения новой границы или доступ к богатым ресурсами спорным районам).

В любом случае никогда уже не будут прежними ни то государство, которое подверглось сепаратизму (оно либо будет территориально секвестировано, либо изменит форму государственного устройства), ни тот регион, из которого исходил импульс сепаратизма, приведший в итоге к СК (регион либо изменит свой статус в «Большом» государстве, либо обретет международную правосубъектность). Не будет прежней и структура того геополитического пространства, в которое включены оба участника СК (прежде всего, ближайшего к ним – регионального или субрегионального – пространства). И ничего поделать с этим нельзя: таков закон необратимых изменений, нигде не терпящий исключений, в том числе и в сфере политики.

INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL FACTORS ON OUTCOME OF FROZEN SECESSIONAL CONFLICTS (ON THE MATERIAL OF THE BALKANS, BLACK SEA REGION AND SOUTH CAUCASUS)

V. N. RYABTSEV

South Federal University

e-mail:

v_ryabtsev@mail.ru

The author's object of research is secessional conflicts, which are so important for ethnically heterogeneous nations of the modern world. There emphasized main effects of this kind of conflicts. The author gives special attention to the process of their "freezing", which results mainly in emerging quazistates. He provides mapping of the mini-system of international relations, which usually shapes around each of the frozen secessional conflicts (FSC). Detailed analysis is given to all possible variants of their resolution.

Key words: heterogeneous (polyethnic) states, ethnopolitical conflicts, secession, frozen conflicts, international factors, frozen secessional conflict's outcome.